

№ 22 [948]

НОЯБРЬ 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ПЯТИЛЕТКА И ТЫ

С. СОЛОВЕЯЧКИ

Н е знаю, в чем тут было дело. Может, просто художник попался хорошему. Если посчитать, то, наверное, не одну сотню таких галерей видел я в последние годы. Набор фотографий испуганных дамочек-второклассниц, отличниц такой-то школы. Цеховая доска почета, доска почета завода, района, учреждения, города, области, колхоза, фермы. Словом, с сотни и сотни. И всегда проходишь мимо с чувством неловкости, и никогда не знаешь, рады ли те люди, чьи портреты выставлены на всеобщее обозрение. Может, они с гордостью заглядывают на свою фотопортранию, когда проходят мимо доски почета, а может, обходят ее стороной...

Но это была особая галерея. Наверное, все-таки дело в художнике. Большие портреты — примерно метр

что у истории этой благополучный конец. Свидетельство тому — портрет Виктора Федоровича в Барнауле.

Но по порядку... — В Сибири зимой самое теплое место, — сказали мне, — в литейке. А в Рубцовске мороз тридцать семь градусов. Потихоньку никто не прогугуется, а все багом да багом. И снег под ногами не поскрипывает, как ему положено по законам художественной литературы, и даже не скрипит, а зло визжит на высокой ноте.

В литейке же Алтайского завода тракторного электрооборудования и вправду тепло, да еще очень тепло. По цеху, извиваясь кренделем, ползет нетерпеливый конвейер с подвесными люльками, и на эти люльки с десяти грохочущих машин облитые потом формовщики и те дело, напряжись, выкладывают готовые тяжелые оплом. Черные кубы плывут к печи, где, словно чай по чашкам, разлива-

ТЕПЛОЕ

О чести,
азарте,
соревновании...

РЕКОРД И БРАК

СЛАВА
ДОЛЖНА БЫТЬ
ЧУТКОЙ

на полтора — стояли вдоль главной улицы Барнаула, и, честное слово, пройти мимо них, не остановившись, было невозможно. Признаться, я стоял у каждого портрета в отдельности, долго всматриваясь в незнанные лица. Доска почета не всегда вызывает доверие. Стоишь у богатой витрины с фотографическими лучшими поварами, судомоюк и официантов такой-то столовой, а рядом — граф, князь, надсудейство, высочайше директор!... Какой уж тут почет! Один стыд. Здесь были портреты лучших людей края — строителей, колхозников, инженеров, токарей... Уникальные, серьезные лица, не нахмуренные, не важные, а просто серьезные, лица деловых людей. Чувствовалось, что художник (имени его не указали, но рука видна была одна) уважает свою натуру, и это уважение передвигалось и проходило. Это была в полном смысле галерея почета: каждому, чей портрет стоял здесь, можно было и позавидовать... Нет, подумалось тогда, не все так просто с этими галереями и досками. Мы привыкли относиться к ним слегка насмешливо, слово «отличник» приобрело устойчивый иронический оттенок («Ну да, ты же у нас отличник, передовик!»). А между тем, что-то есть за этим живое, человеческое, есть какие-то столкновения, есть чьи-то радости и чьи-то обиды, чья-то гордость и чей-то позор...

Честолюбие движет гораздо большим количеством людей, как кажется с первого взгляда. Мы часто говорим, что художник (имени его не указали, о передовых и отстающих. Но ведь все это как раз и предполагал, что мы имеем дело с людьми, которым вовсе не чуждо честолюбие...

...Но вернемся на время к нашей галерее на главной барнаульской улице. Вот портрет старшего мастера Виктора Федоровича Кривошукского. Он работает в Рубцовске, на заводе тракторного электрооборудования, в литейном цехе. И вот именно здесь, в этом цехе, на участке Кривошукского, и произошли события, которые, пожалуй, помогут поразмышлять обо всех этих делах — о чести, честолюбии, соревновании. Разумеется, нетрудно предположить,

что у истории этой благополучный конец. Кажется, различия осторожно и ловко сливает с опору сменяющий свет. Литейные — с ладонь — отливки рождаются в дребезге, тряске, в жаре и в пыли из дочерней черной земли и доблести раскаленного металла.

Литейные цеха всегда отстают. Это и в книгах описано. Новый директор или главный инженер ищет самое узкое место и находит его, конечно же, в литейке. С литейкой начинается завод — следовательно, и беспорядки тоже. А дальше идет само собой: простой к простому, брак на брак.

Вот и здесь: в три смены крутились, а весь завод лихорадило из-за литейки. И оборудование нормальное, и технология, и рабочие не все новички, но не идет дело. То один запылет, да дня на три, то другой запылет. Да и то сказать — работа не из самых легких.

Как шестеренка, вертится формовщик у своей машины: по восемь тонн в день перекачивает, да еще в тепле. Тут и сила нужна, и ловкость, и техника. Пассосмотровый формовщик выходит после смены из душевой, хлопая деревянными босножками, — культурством этим людям заниматься не нужно.

Да, ребята славные, а в литейке было плохо.

Однажды комсомольцы из заводского комитета предложили: создаем комсомольско-молодежную смену. И она-то, дескать, и покажет, как надо работать. План был сомнительным со всех точек зрения. Что меняется? Машины те же, технология та же, и люди те же. Ну, вывеска другая: комсомольско-молодежная смена. Так разве первая такая вывеска?

Так говорили и чте, и все были уверены, что говорят правильно, потому что логично. Но Толя Гуляй, тогдашний комсорг цеха, стоял на своем. Смену создали. Старший мастер Виктор Федорович Кривошукский перелав несколько хороших формовщиков из смены стариков. Так теперь стали называть другую бригаду, хотя и по возрасту и по стажу ее в цехе были почти равны.

Шум поднялся невероятный. Что же, значит, имя лучше услышал!

13 НОВЫХ СТАНОВ

Владимир ЦЫБИН

У Вологды, у Сызрани...

У Вологды, у Сызрани —
ведь пуги насыпали.
На просеке метельца
в обинку спит
с морозами.
Под полозом у месяца
поскрякивают осыни.
И сызнаво и сызнаво
сквозь миевое облако:
— Ауй! — кричу из Сызрани.
— Ауй! — кричу из Вологды.
А где еще поблужу,
а где еще ответится?
Легит зима у проруби,
как белая медведица.
Прогляни, протопни,
следов зайчиных кружево...
Мои года оставлены
там,
в паляти завьюженной.
За далами за дынными,
за старыми,
за дымными,
за вескими, за верстами
под ростепелью-ростанки.
Следы, следы заволганы
за Сызранью, за Вологодой.
Хому по снегу летягоу:
— Ауй!

Ответить некому!
Под колесами сосульками
года нем ажурику,
мои года коронные,
как гуляжи валенные,
оставили лишь вполоски
у Сызрани,
у Вологды!
Куда, куда ушли они!
— Ауй! — зову по имени
то веточки, то сосенки,
то отленики,
то отленики.

то снежико, а то зелено,
то веско,
то морозное.
Кругом зима настелена,
как многоголосье.
В снегу не слышно отклика...
Вдали восходит облако
над трубами, над избами
за Вологодой,
за Сызранью...

Высота

Я снова грежу высотой —
не той,
где вырывают ливни,
не той, дождиком налитой,
за дынной реактивной.
Я чувствую, что я расту,
расту в мизну высоту,
в мизну даль,
в ширь мизну...
Из простоты да в пустоту!
Нет! В высоту направляю!
Попробуй-ка остановеся.
Когда ж,
словно тишиною,
озвучен дальней высотой —
в меня, дрони, восходит высь.
Моей мизно мало высоты!
И вернется,
что меня хватит
лететь — все высь!
Сневоз сто талантлик
среди бессмертной таймоты...
Покачивается высота
и прогибает облака,
и над миео дерзующей
она морозом налетит
и по-лесному пахнет стружкой,
и среди тесных улиц тех,
пустивших снегов столетия корин,
вымывают круто вверх,
как будто сныдрды,
колокольник.
Деревья высота нунна —
не зря вершины их,
как шипки!
И на степной польниной ширь,
словно расплощена она.
И всплывают в высоту,
и вырастают травы кверху,
и птицы слышат на лету
ту высоту —
и реукта к свету!

Какое чувство, бросишь близь,
вдруг нас помянет властно, грозно!
О чувство, вдаль!
О чувство, весь —
и мы путем уходим звездным!

Россия верила Москве

Мимо глуши моей и мимо
изб покосившихся
и дыма,
поваленного на сонсу,
шли поезда сквозь тишину
туда, где за огнями станций
Москва,
большая, словно степь.
И мушкетеры хотелось вслед
земли неведомой и странствий,
попятных и протыч, как хлеб!
И через степь, через зымы
лету глухую, как тоску,
в засонных тосках уйдянки
на Воркуту и на Москву.

Им выдаслось во мглие кромешной
вдали надежда на успех.
Москва! Она поймет, конечно,
не зря она одна на всех!
А за холмом, крутым остался
земля, озабытая, в цвету,
где даль не в даль,
успех не в тэгость,
где прочит засуха беду!
О, сколько из своих провинций,
со всех краев моей земли
с надеждою слепой привидев
ны торчачи свои везин
и веру дальнюю...
По свету
за правдою своей кружи!
Москва! — она стопице века,
а как надежен для глуши.
Везли из Вологды и Омска
беду свою, нужду свою —
моя, кив-никуда да обойдетесь —
и верили в свою Москву!
И время, знаю я, развеет,
что приписала ей молва:
Москва! Она слезам не верит.
О, эти горькие права!
Права на суд,
права на веру,
на жизнь права и на судбу.
Ненаю нас по белу свету
разыхалось.
И все — в Москву.
И среди теплых древних улиц
мы все-таки издад тугились
к росе, созрешней на травл.
Россия верила Москве.
Не зря же через все столетия
Она, над горю и на пелле
отстроившая,
вновь жила.
И розовели, словно в пекле,
ее лютые купола.

Вот потоку, забыв былое,
поверившее в снегу,
жмет село мое глухое
извечной верою в Москву,
что самый трудный срок — он
пронит.
Тот срок холодный, как гранит.
Что б ни было — она поможот,
поддержит —
ведь на тот стоит!
И мое сердце разумеет
сам, давнишние права.
Москва, она всегда нам верит.
На том стоит. На том жива.

Тяга

В моей родительской глуши,
зачаючас среди солом,
стучат,
стучат дожди
о ставни, словно почталыоны.
Я берегу тоску избы
который год неотвратимо
по круглому косяку дыма,
что выкатили из трубы.
Она еще миева, изба,
Не зря ведь тычется спросоню
в глупую ставень, как теленок,
лучом
улавывая звездань.
Я берегу тоску избы
и в каждой строчке!
Туда, как белые столбы,
бегут года поодиночке!
И яду, что вот за много лет
в избе, куда стучится дождик,

распустится однажды свет
и задрожит вдруг, как листочек!
О, тяга в дальние места,
нам даль сверхнет — и станет
тускло!

У каждого — своя изба,
и, значит, суждено вернуться!
Пусть даль от дали — на полсвета,
от года год, как век от века,
все ж заколотит, как от стуж,
и так потянет тебя в глушь,
где в нидеидах, как в пуху
целуешься,
среди тьмы и света,
принашивая тесно к лопуху,
с роскою вымывает лето.
Ненаю нас, что от своей избы,
прислушиваясь к веку,
от всяких дней и от дождей
разыхались по белу свету!
Сны высыпали, как грибы,
в глаза — и стало все не просто,
что ходит мать лишь от избы
тебя встречать до переиреста.
Остановите, поезды,
возле моего свои вагоны.
Стоит село.
Стоит изба.
Стучат дожди, как почталыоны!

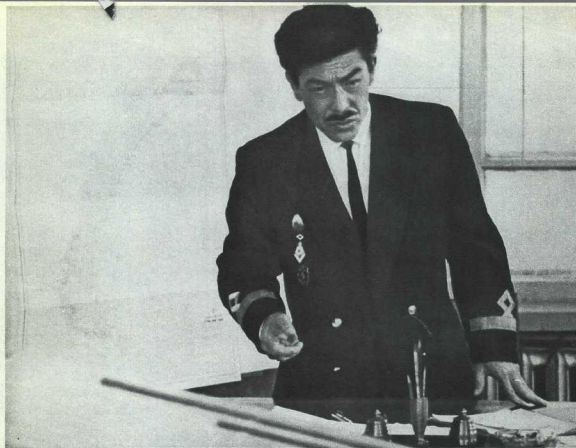
Я стою с тобой
почти
лицом к лицу!
— Где ты! —
молва
я в глаза твои кричу.
За зрачки свои,
туда, за тыщу вез,
ты уехала на месца!
Иль навеки.

Сколько времени ажукаю не впрок.
Через годы я готов,
как через брод
и увину,
что в тебе среди темноты
сто людей жонет —
и все они не ты!
Ты им мачеха,
готовая проклясть!..

Ты чужбина,
где, наверно, мне пропасть,
из тебя никто мне весточки
не шлет.
Вести-веточки,
лишь дождь пойдет: Шлеп-шлеп-шлеп.
Из чужбины из своей,
из маеты
сто очей глядят —
и все они не ты,
сто вестей глядят,
сто встреч
и сто разлук...
Сто разлук,
как сто безразок, в них расту.
Сто людей,
как сто гусей,
в меня летят,
и все возвращаются
назад.

Разглядед тебя хочу
через сто тебя
— Ауй!
кричу тебе:

Штаб морских операций. Капитаны судов внимательно слушают начальника Штаба Б. С. Майнашечева.

АРКТИКА ДЛЮБИМ

А. НИКОЛАЕВ,
В. МИШИН (фото)

Специальные
корреспонденты
«Советы»

Начальник моря и другие

Мы находимся на острове Сахалине. Но, чтобы впрямь не было никаких географических недоразумений, я должна сказать, что это совсем не тот Сахалин, о котором вы подумали. Отсюда до Сахалина в Охотском море ни милого ни мало — четыре тысячи километров. Наш же Сахалин — один из островов Диксона. Судя, плавающие по Северному морскому пути, немедленно слышат его голос.

Здесь — Карское море. Здесь, на Диксоне — центр Арктики. И называется он: Штаб морских операций.

Штаб появляется на Диксоне только на время навигации. Это сравнительно короткая пора — четыре месяца, но в Арктике она определяет много, если не все. Пошлые начальники Штаба Бронислава Семеновича Майнашечева знают все моряни, плавающие в морях Северного Ледовитого океана: «Диксон, ИМ» — начальник моря.

Штаб осуществляет трудное дело — проведению судов в Арктике. Масштабы этой работы можно оценить, взглянув на карту, которая висит в кабинете Майнашечева. Та, кто умеет читать эту карту, слышит дыхание и чувствуют сердцебиение всей Арктики.

По сути дела, это карта Северного морского пути — от Мурманска до Чук-

отки. Более шести тысяч километров арктических морей, свирепых штормов, сплошных туманов, подающих банок, узких проливов, переменчивых мелей и баретов, которые, как указано в лоции, «изобилуют опасностями». Но самая страшная опасность — дрейфующий лед. Он опасен сам по себе, но, кроме того, лед диктатор увеличивает опасность штормов, туманов, мелей, потому что, обходя лед, судну приходится маневрировать там, где маневрировать порой опасно по чистой воде в ясную погоду.

Штаб работает круглые сутки. Здесь — вахта, как и на корабле. Телеграфы не умолкают ни на минуту. Несkolько сотен телеграмм с адресом «Диксон, ИМ» — ежедневно, круглосуточные радиопереговоры с суда-

ми, плавающими в тысяче миль от Диксона — вот основные каналы информации.

Буквально каждый день начальнику Штаба приходится принимать решения, связанные с большим риском и столь не большой ответственностью. Ежедневно в семнадцать часов, минута в минуту, собираются диспетчеры. Опытнейшие судоводители выполняют здесь обязанности капитанов-наставников: после диспетчерской они связываются с капитанами всех судов, плавающих в Арктике, чтобы рекомендовать наиболее безопасный курс следования во льдах. Здесь не может быть половинчатых решений, и тот, кто дает рекомендации, отвечает за них в полной мере.

«Диспетчерская началась. Доложила дислокация судов. Гидрологи де-

дают подробный разбор ледовой обстановки и дают прогноз дрейфа льдов в разных районах Арктики. Сидиткин, анализируя данные, получаемые каждый час с четырех десантных полярных станций, составляет синоптическую карту, дают трехсуточный прогноз погоды по всему арктическому бассейну и более подробный — на ближайшие сутки. Авараравина сообщает оперативные данные ледовой обстановки.

Безъ этот поток информации должен быть в кратчайший срок восторожно проанализирован и здесь же, на диспетчерской, вылиться в готовое, единственно верное решение.

А ледовая обстановка в этом году сложилась чрезвычайно сложная. Об этом рассказывают капитаны судов, стоящих в диспетчерской гавани в ожидании ледокола, пробиравшихся через Нарские ворота и свозы десибальский лед в западной части Карского моря. Капитаны немногословны, но картина вырисовывается суровая.

Начальник Штаба внимательно выслушивает каждого. Затем он встает, подходит к настенной карте, на столе карте ледовой обстановки и говорит, отбросив морскую терминологию:

— Ну так вот, товарищи капитаны, все, что вы говорили, со мной, действительно так. Но должен вам сказать, что это цветочки. Игнорировать, точнее, а пролив Вилькицкого.

Арктика сверху

На взлетной полосе стоит оранжево-красный «ИЛ-14». Самое удивительное, что он стоит. Самолет должен взлететь, но заводя моторы: «одна-другая порыв ветра» — и его унесет. Взлетная дорожка упирается в сплошной туман. Погода по всем статьям нелетная.

Но в Арктику самолеты летают по правилам. Где главный полет — не обходимость. Необходимость, заставляющая поднимать самолеты в любую погоду, называется ледовой разведкой. Сегодня в воздух поднимается самолет полярного летчика Ивана Гавриловича Баранова. Курс — пролив Вилькицкого.

Есть на земном шаре места, которые пользуются дурной репутацией у моряков всего мира. В Арктике — это северное побережье Таймыра и пролив Вилькицкого. Ледовая обстановка меняется здесь буквально каждый час. Все зависит от того, «какие ветры работают». Есть ветры хорошие. Самый лучший — юго-восточный: он толкает лед от берега материка в океан. Самые северные — северный и северо-восточный: пролив сплошь забит льдом. Для транспортных судов ледные поля в этом районе так же опасны, как скалы. На помощь судам приходит самолеты ледовой разведки.

Кроме командира, штурмана и бортомеханика, в самолете два гидролога, капитан-наставник из Штаба морских операций, а на этот раз и мы, грешным делом.

Оставляем под собой караван транспортных судов, который идет на восток в кильватере за ледоколом «Ленинград». Судя бегут по чистой воде хороши льдом, и от носа нашего тундра по синей глади седые утесы. Пока караван не нуждается в помощи ледокола.

Я знал, что в Арктике летают асы. Мне, как и командир из нас, с детства знакомы имена Лаванавского, Бабушина, Чуковского, Мазурина. Когда читаешь об их полетах, захватывает дух. Но когда ты сам летишь с полярным летчиком, дух твой захватывает, только происходит это не сильно иначе.

Мы спускаемся до ста метров. Потом до пятидесяти. Машина идет в сплошном тумане. Высотомер показывает «30». Я смеюсь на пилота, потому что в иллюминатор смотреть бесполезно. Баранов сидит так, словно под ним тысяча метров.

— Мы что, будем садиться?

— Нет.

— А почему идем так низко?

— Иначе ни черта не увидишь.

Я и сам понимаю, что иначе ни черта не увидишь. Баранов набирает высоту только для того, чтобы запо-

Караван судов вошел в пролив Вилькицкого.

Сейчас ни на минуту не оторвешься от локоатора: судно идет в тумане среди островов.

мнать врань. На штурманской карте наш курс похож на зубья пилы. В районе пролива Вилькицкого это обычный курс самолета яровой разведки. Ширина пролива между материком и островом Большевик колеблется от пятидесяти до тридцати миль. Дойдя до острова, Баранов набирает высоту, кладет машину на правое крыло и ломается курсом на юго-восток. Над материковым берегом самолет снова набирает высоту, разворачивается и идет курсом на северо-восток. Так от берега к берегу. На языке полных летчиков это называется «пила». Зубья «пилы» тем тупее, чем сложнее ледовая обстановка и хуже видимость. Нетрудно догадаться, что на этот раз наш курс на штурманской карте скорее похож на узкие и длинные зубы акулы.

Цель этой разведки — донесение. Наше донесение — это карта ледовой обстановки, составленная гидрологами. На ней капитан-наставник проложит курс для проводки каравана. Карту уточняют в непромокаемый пакет. Во втором танке ее пакете —

почта для экипажа ледокола и судов каравана. Сейчас караван подходит и кроме льда западные архипелаги Норденшельда. Ледокол «Ленинград» уже входит в лед. Мы пролетаем над ледоколом. Бортмеханики приоритизируют дымку и по знаку летчика бросает оба пакета. Удачно — пакеты падают на палубу ледокола. Мы избираем высоту и уходим в сторону Северной Земли.

«Якоря по-походному!»

Эту команду одновременно дали капитаны семи судов. В вихренном журнале транспортного судна «Верхоянский» появилась запись: «В 20 час. 10 мин. имея на борту 35 человек команды и двух пассажиров — корреспондентов журнала «Смена», — сбились с якоря». Получив приказ Штаба о порядке следования в кара-

ване, суда обогнули с запада остров Медвежий и вышли на порог Северного Ледовитого океана, стремясь к встрече с ледоколом «Киев»... По утверждению моряков, океан наиболее полно проявляет себя «в варианте Карского моря». Полно — значит сжарено. Капитан «Верхоянский» потопоственный помор Николай Николаевич Поникаровский однажды сказал:

— Будучи три недели в Атлантике, чем три дня в Арктике.

Третий штурман Рудин Пентин, моряк, но уже с полвеком опытом моряка, сосчитал иначе:

— Три дня в Арктике стоят трех месяцев в Атлантике.

Сейчас океан был прекрасен. Чрезмерно яркие и контрастные краски как-то не вписались в обычный представление об Арктике. Но я уже знал, что в смысле цвета для Арктики не может быть ничего мрачнее. Был пронзительно синий океан; были ослепительно белые пятна льда на нем; были черные, отполированные, лежащие толпины на льдинах;

были красные, морщинчатые, синие скалы островов за бортом, было яркое, слепящее, занимающее весь мир холодное солнце на неподвижном знаменном небе...

Ледяные поля стали попадаться все чаще. Далеко на горизонте — голубой айсберг. Мы рассматриваем его в бинокль. На фоне айсберга идет судно, и мы видим, что вертушки его мачт едва дотягиваются до середины.

— Любезней! Ну-ка.

Это Рудин. Он, ленинградец, но невазвонит, и это уже эрстическая привычка и ленинградскому характеру. Третий штурман превзошел спутности и нем в кассу. Он выстал из стола толстую книгу и дал мне прочесть откровенный отчет безаза. Позже я переписал его полностью. «Белый лед дает светлое отражение на небе; таким образом, над местами, где находится ледяные поля, небо принимает беловатый оттенок, и, напротив, оно бывает синим или темным над свободной от льда водной поверхностью. Поэтому мореплаватели в Ледовитом океане может по

На палубу идущего ледокола «Киев» садится вертолет.

небу судить о состоянии льдов вдали.

На книге было написано: «Ф. Нансен. «Фрагм» в полярном море». А тогда мы вновь поднялись на мостик, первое, что я увидел, — благополучная Арктика немчалась.

Солнце теперь угадывалось над нами бледным пятнышком на сером небе. «Ивеа» зажег кормовую люстру, «Костромалес» — прожектор на башне. Огонь едва теплился сквозь плотную завесу тумана. Других судов каравана мы не видели. Зато хорошо слышали их голоса: радио-телефон не умолкал теперь ни на минуту.

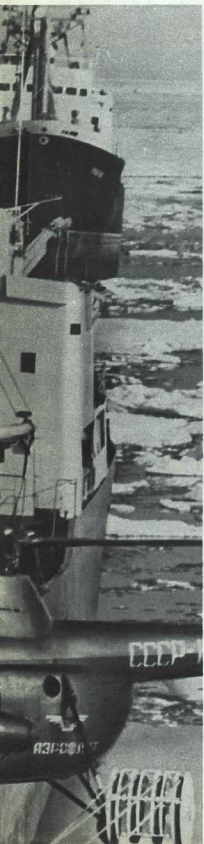
Мы осторожны. Потому что иначе нельзя. Попали в плотный заряд тумана. Выставили на башне впередсмотрящего. Отсюда он видит дальние метры на дашш, а сейчас — это уже много. По телефону доносится в рубку его голос: «Слева по борту большая льдина... Прямо по курсу битый лед и сразу тяжелое поле». Справа узкая перевалища...

С помощью впередсмотрящего на-

Голос вертолётчика Володи Громова едва слышен сквозь гуд мотора.

«Полным вперед!» Команда принята в машинном отделении.

гитан делает поправки и контролирует свои решения.

— Лево на борту Одеривай! Прямо на руль!

Судно выписывает зигзаги. Третий штурман, в теопере и меховой шапке, приник и локатору. Неожиданно выныривает из тумана «Костромалес», и он нес проходит буквально в десяти метрах от нашей иоры.

«Костромалес» тяжело выплзает на ледовое поле, останавливается и скатывается назад.

— Вот так ломают парокорды, — резюмирует третий штурман.

Еще десятков метров, и «Костромалес» развернула бы нам рулевую машину.

Мы продолжаем двигаться. Лед гулко ударяет в судно, дронь проходит по ассу корпусу: льдина с легком проходит по днищу, точно царапая сердце. Потом отключает техника от перенапряжения у нас «скин» локатор: машинный телеграф закарпачивал от частых реверсов. Судно вошло в тяжелый лед, аинт больше не выгребает, приходится застопорить ма-

шину. Мы передаем по каравану и ловимся в дрейф. Капитан открывает рот со лба. Мы леем в дрейфе и идем ледоколы.

Сначала мы слышим его голос: «Й — ледокол «Ивеа». Вызываю все суда каравана. Как слышите Прием». Он движется нам навстречу. Издается локонье. Будто ледокол ползет по поверхности льда. Он идет напри-

мид, медленно, но легко. Отсюда не видно той титанической работы, которую он при этом совершает. И только когда «Ивеа» подходит ближе, мы видим, как раскалываются под его мощным корпусом ледяные поля и выплзают из-под бортов, становятся на ребро и превращаются в зеленые на илеме трамекетровой толщены льдины. Вокруг ледокола по сторонам идут длинные трещины. В трещины с криками бросаются чайни и тут же выскакивают, держа в клюве трепещущую рыбу.

«Ивеа» проходит возле нашего борта, разворачивается, освобождая нам пространство для маневра, и выводит нас в разрезанный лед. Тут мы до-

жны подождать, пока ледокол не выведет из ледового плена остальных суда каравана. Есть что-то трогательное в этой картине: ледоколы первыми выписывают суда, как котят, — по брону...

Ледоколы — аристократы Арктики. Но и самые большие трудяги. Они не знают навигацию и замачивают ее. Транспортные суда отключают, когда идут по чистой воде. Ледоколы по своей своей должности не могут позволить себе этой роскоши, — они доводят суда до чистой воды и возвращаются по льду.

Маленькое гидрографическое судно «Азимут» затерло ладан. На помощь спешит ледокол «Красин». По радиотелефону мы слышим его голос: «Азимут», я — «Красин». Сейчас попробую вас обогнать. Готовьте буксир».

С нашей палубы хорошо видна битва, которую «Красин» ведет со льдом. Он пробует порвать и «Азимуту». Ему тяжело — это видно по черному дыму, который валит из трубы. У него

Сведения о продвижении судов фиксируются на карте.

Данные со всех полярных станций обрабатываются синхронно.

Порт Диксон. Здесь формируются караваны судов.

не хватает сил. Проходит несколько метров, всплывает носом на лед, останавливается и скатывается обратно. Потом все же отбывает два-три метра и вновь останавливается. Это продолжается долго, но расстояние не сокращается. Как ему трудно сейчас, этому старому и честному работнику! Тридцать восемь лет назад «Красин» принимал участие в спасении экспедиции Нobile. Тогда в газетах всех стран сообщалось о том, что на поиски Нobile и его спутников вышел самый великий персонал в мире... Теперь рядом с «Киевом» он слаб и мал. По радиотелефону мы слышим его голос, обращенный к капитану «Киева»: «Василий Александрович, нам придется оставить мышица. Ты вернись за мной...»

«Киев» вернулся за «Амгунтом». Потом ему пришлось помогать и «Красину»...
А для «Верхоленскеса» день во льдах тоже не прошел благополучно. Потонула лопасть. Вертолет берет судно на буксир, а мы перебираемся на «Киев»...

Сейчас в Арктике ночь. Штаб морских операций закончил работу, чтобы вновь начать ее арктической весной. Тогда снова, обйдя Арктику и скривив шпангоутами, пойдут по всему Северному морскому пути суда с грузами.

СТИХИ О МАРСОВОМ МАТРОСЕ

Игорь
НЕВЕРОВ

Под марсовую бочку альбатрос
И тридцать два ветра открытых румба,
А в бочке вечной тенью тот матрос,
Что подарил Америку Колумбу.
Он, как и все, уже не ждал удач,
Он изнемог. Но басом хриловатым
«Я вижу землю!» крикнул бородач.
И Христофор взлетел к нему по вантам.
Земля сияла твердую вперед,
Скрывая в дымке горы и озера...
И вдруг Колумб заплакал на груди
Щербатого, ответного бродяги.
Бродяжка жизнь всегда недоура,
Бродяжка слава не находит спора.
И подтолкнула в океан цинга
Открывшего Америку матроса...

Радары крутят крылья над волной,
Морзянки писк эмит над океаном.
А марсовый все с той же бородой,
А марсовый — опять над капитаном!
Потом героем станет гарпунер.
А «марсованин» в бочку воспритантис,
Дел с ветрами синий кругозор
И взрывчатую радость первоиздда.

Огонь на мысе Горн

В проливе Дрейка
Дырка есть из ада.
И потому — в проливе кипятки!
Толпнутся волны
Надо и не надо,
Зимой и летом.
Вдоль и поперек.
Мы из пролива быстро вылетали,
Исключительно штурмом по зрелищу...
И моряки не поняли вначале,
Что за огонь возник в гремющей тьме!
От звезд он отличался ярким тоном,
Не походил на проблеск маяка.
Он был цветком с оранжевым бутонем

На маленькой антенне стебелька.
Его по вертикали не бросало,
Как топовые знаки корабля,
Его над океаном поднимала,
Его держала на себе земля.
И расправило сердце морехода
От этого виденья аппарата:
Земля!.. Земля впервые за полгода,
С четком огня на каменной груди!
«Земля твердая!» И мысль простая эта
Торжествовала ночью штурмовой,
Ярсь, волна, — незлыбная планета,
Вода — водой,
А все же —
Шар
Земной!

РАССКАЗ

торопящихся встрепающихся омыликами, речной плеск туман и буйствует, словно море. Он зно скалится радими серовато-белых волн и все обильней и обильней плещет комками пены на прибрежные камни, на выходящую кормой лодку, на сваленные в кучу запальные бакины. Лодка, бакены давно вымокши и стали по-основному ослепшими и холодными. По мере того, как услаивался, крепчал ветер, как выплескивая, забрасывал он мрачные, подбитые грязными баранками волны, мокрая полоса на берегу становилась все шире и темнее. Казалось, еще несколько таких часов — и она не выдержит, слопится от остальных берегов и навсегда уйдет под разбухнувшуюся, гнетущую воду.

— Ить как неадачная разошлась... Не иначе кто-нибудь порешит но-не, — вздохнул Кузьма Назарыч и, запечатав себя в клеветчатый плащ, за-дало до сумерек оторваться на море, захватить бакены.

И хотя, прежде чем уехать, он строго-настрого приказал дочери выт-щипать на берег вторую лодку и убраться из нее несла в сени, эта лодка и теперь, спустя несколько часов, продолжала мотаться в воде и, будучи вы-бывшей из сил плывень, окола, тем, загребла вынырившая за борт весла-ни. Шура как-то забыла про нее, как забыла в последние дни про все, что поручалось ей. А возможно, она даже не слышала наказа отца, его слов. Ей не терпелось, чтобы лодка отца поскорее застучала мотором и отошла от берега. Даже отец, молчаливый и не падавший на распристы, тя-готил ее своим присутствием. Больше того, он раздражал, злил, будто и своим молчаньем покусывал на ее бесконечно лживое, да к тому же еще и нестерпимо большое. Все казалось, присматривается к каждому ее ша-гу, все вздыхает хулу, косясь от давнего рвения горячо, а главное, ссы-ла, угодить всякому не желая. Жалел, хотел сберечь, охранить, но не умел сделать этого как следует, то ли по своей замкнутости, то ли оттого, что чувствует, видит — турсится она его, сторонится, роню ту-жого. А отсюда и сканованье его и немолость. Отсюда он и сам кажется ей бескомпромиссным, жидким.

Все восстает в ней после каждого его слова, после каждого вопроша-ющего немого взгляда. А немудрым было, безмерная, жгучая обида вызыва-ет лютую ненависть всего и только к одному Андарюху Малкову, но ко всем людям, в том числе и к отцу. Хотя люди, и в первую очередь отец, ведь в чем врады бы не виноваты и, кроме доброго и хорошего, ничего, ни-че не ждал.

Но и Андарюха Малков поначалу тоже врады бы не ждал. Его никто худого. Говорил лишь о чистом да красивом. О луле, о звездах, о ее, Шу-рин, прекрасных глазах и таком же бездонном сердце, которое может вместе с собой весь мир. И слова его были при этом тоже красивы. Каждое падало аравитанским камешком прямо в сердце и, ударившись, там о каку-то жилку, играло и звенело долго-долго, как эхо на безбрежном човном плесе — от берега к берегу.

Шуру глумили эти красивые слова, и она старалась поскорее забыть их. Но забыть их было почему-то не так просто. Прямо скажем, невоз-можно. Всякий раз после встречи с Андарюхой она давала себе слово не думать о них. Но думала все ночь и весь день, до следующего свидан-ия. Происходило это, наверно, потому, что до Андарюхи никто и никогда не говорил ей такую. И ты, как Аларюха, не говорила никто и никогда. Не только красивая — горячи были его слова. От них у нее сохли губы, румянились щеки, стучало в висках. И когда от них становилась такой жаркой, что даже тоненькая кофточка казалась неважной и до того те-плой, что ее хотело растаскивать на груди. Давилось, что могла Шура в это время... Это же смотрит на Андарюху. Случалось, она опускала лицо, незаметно облизывая губы и не спеша расправляясь из стороны в сто-рону, ровно тоненькая стройная ослица в воде подде ног. При этом ей было неказисто хорошо и одновременно странно.

— Гаа, — все они, мужики, гады. Паразиты, как ошп... старая за-гушитиш иропение воспоминаний, ожесточенно говорят Шура.

Теперь, когда нет отца, она может высказаться вслух то, что в осталь-ные время приходится держать в себе.

Нобо над головой быстро темнеет от полноты по нему черной с ры-сью. Когда одна из волн уводит Шуру до застывшим ногам, она воспомина-ет про отцов наказ и с опозданием лезет в расколдованную реку за лоскодиной. О том, чтобы выиграть на берег лодку, некая уже и думать: лоскодиная почти до половины залита водой.

— Ну и ладно, ничего с ней не сделается.

Вскинув на плечо мокрые несла, Шура идет с ними в сторожку. Сухое, густо пропитанное запахами жеренки и сваленных под лавкой сеном тепло комкает последние сорочки Шуры и как будто делает ее несколько спокойней, мягче. Она на какое-то время даже забывает о сво-ей обиде, которая вот уже вторую неделю и днем и ночью во все жмет сердце. Шура даже берется за венчик и начинает подметать изрядно за-пыленный пол. Но, одна дойдя с венником до нового зеркалашного по-фюфера, кунающего отдала для съездного подарка, опять меняется в лице, бледнеет.

— Небось с Наталькой сейчас мигаете... почти беззвучно шепчет Шура поспешивши в один миг губами и, зарываясь в при-зине, таксамо опускается на табулет... Погода для этого как раз подходящая: никто не придет, не помешает.

— Все одно не будет тебе счастья. Ни тебе, ни ей!... в надежде хоть немного обмануть отца говорит Шура уже громко.

И по тому, как еще больше беднеют ее запястие за эти дни цески, как сжимаются в кулаки лежачие на коленях ладони, видно, что она собира-ется сказать в адрес Андарюхи еще что-то очень злое. В это мгновение в сених гудом хлопает дверь.

— Ну вот, вернулся уже. Не мог на соседний пост зыкаться... досадливо думает Шура и чувствует, что непременно натрубит отцу, как только тот войдет из сеней в комнату. Ведь отец, а не кто другой, первый сообщил ей об Андарюхиной смерти, о его неожиданной женитбе на Натальке Се-нцовой — вертевой и белобарской, как рыбка густера, продавшие магази-на соломю, «йе, Натальку — на ее новый дом да на методика, а осталь-ного помялись Андарюха», — видно, ждала отца как-то смуглится неприят-ную новость, добила он тогда. Но именно эти его слова мучительнее всех остальных ударили Шуру в самое сердце. Выходило, что Андарюха променял ее любовь не на другую, более сильную — это бы еще можно было понять, — а на какие-то деньги.

Однако вместо отца в комнату вошла немалосильный рыжий парень в сол-датском изрядном выигранном обмундировании без погон и с вельцем меш-ком за плечами.

— Ну как, Марус, перекинешь ли ты сторону? — сказал он прямо с порога и, сорвав подмигивать Шуру, засмеялся несомно и громко. — Понима-ешь, беим надо сделать: невеста три года ждет не дожидается. Договорен-ность у нас с ней: как только демобилизуешь — тут же и свадьбу играем. Помесящийся закончик — приходи. Бед смека, в воскресенье, послезавтра, в Лобаново. Будь андарюха будут и магнитофон... Монтан, Пыха, Мусулин Матюшев. Поют, будь здорово, как!

Парень вышел, засмеялся, но, по-видимому, заметил холодный, мститель-ный взгляд Шуриных глаз, тут же оборвал смею.

— Да ты прежде чем-то подымай! Да! — спросил он и поправил на толков фужером с черным артиллерийским окошком.

— Доволяла не доволяла — мое дело, — отрезала Шура, окладывая перья недобрим, презрительным взглядом. — Шаюлись тут, грязь толкала в дом посят. Ни стыда нику, ни совести.

— Выигнот! Доклад! Справж! Проклятая... Думала, до него домы по-сею. А он и в последний момент киза да как из брадистого ахула. Но ничего, дома выслушу. Теперь блязко. Пять километра всего вперед и три тысячи всевозможных шестидесяти... Он неопределенно махнула в сто-рону тентного, бегущего каплями дождя окна и, вздохнула не то обмелен-но, не то радостно, заулыбался сразу всем лицом.

— Не шить, а девятидаты. Считать надо учиться, а не лисы топить. — Это откуда же ты зыла столько!

— Ошпид! Вот отмиришьшу поначалу до парюа, а потом от него до Лобаново — так сразу поймешь откуда. Математика...

— Шушш!..

Парень снова улыбулся, но уже не так широко, как несколько минут назад, и не смел с Шуры рыжих, таких же, как он весь сам, глаз, не до-вольна помет в натуральную карман за зажатой подмышкой несла.

— Нет, ты не думай, что теплюсь ради знакомства как еще помучу. У нас серьезно со Сетайкой все железно. Я ей слово даю. Поэтому вот так и терпелось. Кратчайшей дорогой топаю. Мужское слово, зыать надо, неадекватное. Какое-то неадекватное.

Вот и не терять времени, когда так. Топай к парому! — бросила в от-вет Шура скосив зубы и, еще раз взглянув на недавнего солдата, доба-вила: — А нест мужского слова лудить поможешь... Камень-то оно камен-но, а камень так трюканный.

— Понятно. Не перебоисшь, значить? Подождем мюкнут не хо-чется!

— Не на чем. Отец с лодкой бакены зажитить уехал, а запасыла полая вода. Да и несла в ней ниту. Не ругайся же мне грести.

— Ну ладно, ладно... Парень ткнул рукою в зажатый между пальцами сигаретой в утло, где стояли не услышавшие еще обшлущу несла.

Но Шура ничего ему не ответила, даже не повернула голову. Рыжий солдат, молочно потованнись возне порога, все больше и больше раздра-жал ее. Чем меньше, она не могла понять. Да, по правде говоря, ей и не жал ее. Чем меньше, она не могла понять. Не зыкает еще, чтобы она о нем ошмь-то хотелась и этом разбираться. Не зыкает еще, чтобы она о нем думала. Больно велика честь! И так уйдет. Постоять-постоять да и уйдет. И вперде заречется ближних дорожек искать. Ишь ведь, дурочку найти наду! — про-ах! — какую-то там развел, бокалито. Так я ему и поверя-ла, трещу несчастному. Просто лезла лизнать пятнадцать километров по грязи и поплаз дождиком топтат, в сухое да тепленькое побойтаться хочется. Вот и выдумывает, метает, как пометю какою. Рывше, может быть, и об-вел бы жутком палца, а теперь адуки: зына цену кхитим солдату. На вид вроде не развратный, а внутри, какого ни возьми, все на одну колачку. Ни-кого на настоящую любовь не способен. Может, разве один из тысяч.

Рисунок В. КАРАСЕВА

Зато на обман — каждый. И черныше, и белокрысы, и, как этот вот, рыжик. В крови это у всех у них, вместе с генотиповскими.

Ей противен стоющий возле двери рыжий парень почти так же, как смертельно оскорбляет ее своей подостью Андриуха Мазков. Ей даже кажется, что он и впоследствии начинает походить на Андриуху. Хотя тот и выше, и сухощавей, и вовсе не рыжий, а иссиня-черный, как скорец или ворон на солнце.

Шура подбегает походящее от тнева губы, медленно встает с табуретки и, сделав шаг к двери, молча смотрит на непринятого пришельца. А когда замечает, что парень начинает краснеть под ее взглядом, говорит ему сухо и непримиримо:

— Ну вот что, друг, давай-ка отчаливай. Побойтаи, и хвяти. Мору знать надо. Ясно?

— Ясное ясное. Не переборщишь, значит?

— Нет.

Парень вздыхает, ступ в рот не заложившего до сего времени сигарету и истерично, по-идиому, рассчитывая еще на что-то, поднимает с пола платно набитый вешником. И лишь когда окончательно понимает, что рассчитывал больше не на то и его не перекует здесь, толкает дверь локтем и, не попортившись, выходит из комнаты.

На каком-то мигновении ей все-таки становится жаль возвращающегося домой после долгой службы солдата, которого она только что отказалась перевести через реку, выставила из дома и погнала под дождем и ветром за столько километров к парому, неизвестно еще, работающему или нет в такую на редкость ненастную погоду. Но она тут же, переключив себя, нашла прежняя недобрая, какая-то по-особому жесткая усмешка. Усмешка превосходства и холодного торжества, которое появляется после удачной и расчитанной мести за причиненные оскорбления и бои.

Шура видит эту усмешку в большом зеркале шифоньера, видит, как она искажает ее красиво, с тонкими, прямыми чертами лица, делает его грубым, неприятным и даже уязвимым, как у смывавшей Андриуху продащицы, но не старается ни погасить этой усмешки, ни тем более сойти с лица. Потому-то она уверена, что рыжий ушел не совсем, что он вот-вот вернется обратно в комнату и снова станет просить лодку и расплываться в любви к какой-то там Светланке, которой скорее всего и на земле-то нет и никогда не было.

Шура не ошиблась. Рыжий солдат, как она и предположала, снова появляется в дверях сторожки. На этот раз он входит молчаливо и, пожав плечами, несколько смущенно.

Хотя Шура и ждала его вторичного появления, даже как-то к нему томилась, она все же не сразу повинуясь своим глупым. Ведь когда на что-то настроишься, оно и приваляется может. И лишь после того, как рыжий, желая обратить на себя внимание, коротко каплянул в кулак, подумала раздраженно: «Вот ведь какой приставил, ровню селенью».

— Ну что тебе еще? Ведь ясно, кажется, сказано, вести не на чем, на парок тоишь, — говорит Шура и, слегка повернувшись плечом, прерывисто измеряет солдата с головы до ног, добавляет с ехидной издевкой: — Ишь, может, Светланку свою ненаглядную разлюбез уже по причине дружки. У вас это проще простого — сегодня ады, завтра другая, послезавтра третья.

Мокрое лицо солдата делается строгим и бледным. На нем слева и справа от небольшого, слегка приподнятого носа густо выступают просяные ресницы вешушек. И только кончики оттопыренных ушей вспыхивают на черном фоне фуражечного околыша синеват, ярче прежнего.

Оста за спиной Шуры испускают резким белым светом ударились где-то совсем рядом молнии. Дом вздрагивает и долго и жалобно звенит непримиримыми мокрыми стеклами. Но ни Шура, ни стоящий перед ней

парень как будто не замечают расположенной вокруг молнии, не слышат срывающегося следом за ней артиллерийского удара грома.

— Можешь тут грозу переждать, когда испугался, — говорит Шура безразличным тоном. — Только учти: падало она. Раньше утра не кончилось. И на ней, как на лодке, не рассчитывай.

— Спасибо. Только ничего из твоего предположения у нас не получится. Говори, домик торжиско, к Светланке. Три года с ней не виделся. Три года, понимаешь! Пока служба шла, еще ничего было, терпел, а теперь шикать мочи нет. Вершин, совсем сдура от разлуки, через огонь, кажется, лобку к ней. Делушка-то она, знаешь, какая, во!

Амко что а лоду сейчас светает, оживает, а затем и вовсе расплазается от широкой, сладкой улыбки, рожденной не столько воспоминаниями о невесте, сколько, наверно, предстоящей с ней совсем скорой встречи.

— Как знаешь, герой...

— Вот именно.

Не переставая улыбаться, солдат закуривает вконец размокшую сигарету и, поджав с пола вешником, ставит его в углу комнаты на лавку.

— Пускай вместо меня останется, если не очень возражает. А то ведь что доброго посреде реки на дно утнет, к рыбам. А мне переа озабочен, сына понимаю, это совсем ни к чему, — говорит он снова шумно и беззаботно и, не ожидая ответа хозяйки, кивает головой и выходит из дома.

Неплатно привнесенная парню дверь покачивается от вставшего в тесные сени ветра и жалобно, тоскливо скрипит железными петлями. В комнате становится неуютно, саром и не по-летнему зябко.

— Руки поотсыхали двери как следуют закрыты за собой, — недовольно говорит Шура и, обхватив плечи, нехотя, шаркая по половицам босыми пятками, идет в санитазные вестром сени. В том, что несомненно ушедший парень так же, как и Андриуха Мазков, рано или поздно наделается над девичьей любовью, Шура не сомневалась. «Как же, смотри, жежится такой! Натешится, наивтрится в полное свое удовольствие — и поинякий как знавал. Когда б по-настоящему любил, сорсено — не мола бы попусту про все с перлым истеричем. Да еще с ханханами и ханханами, ровно клоун из цирка. Ведь не спрашивала, не допытывалась. У, трепло несчастное!» — думает она, стоя в сенях перед полуотворщенной дверью, и ей вдруг становится жалко незнакому деушку, о которой только что говорила солдат. И эта неожиданная острая жалость к незнакомому Светланке тут же сменяется со своей собственной обидой. Она усмехается, представив шлепающего под эти стои дождем к лавке парому насквозь промокшего, окочененного до костей солдата.

«Ничего, ему это на пользу. Говор поспособ и языком напорет, не так, может, третью будет, — холодно рассуждает Шура, глядя на черное, то и дело вспыхивающее серебристым светом молний небо. И вдруг, совсем не жала этого, она вспоминает последние слова парня, которые пропал как-то мимо ее сознания.

— Да что он, оумел, что аи? Утнет ведь при такой лодке. И до седины не доплетет, черт рыжий, — нечует она и чувствует, как ложится над спиной ледяная кожа страха.

«Нет, не рискует он илави. Ничего не осмелится.» — пробует успокоить себя Шура, но, вспоминая упрямое, истеричное глаза демобилизованного солдата и корюбиною ее все это явное бесшабашность, она вновь подбегает губы. Потом в одно мигновение оказывается в комнате, подле лавки. Там и есть — на лавке лежит платно набитый, перетнутый в горловине лямкой вешником.

— Да как же это я, Шура, так себя повожу? Человека из дома выпнела. Надсмешала над ним, — нечует она растерянно, и вдруг ей кажется, что с реки в раскрытые двери доносится заглушаемый грохотом воли и ветром крик. «Они, они, они... Большие некому!» — вздрагивает Шура и тут же

через глазыни у и вестная тесна, размырившаяся в полную силу река, через которую и в хорошей-то лодке — не то что вплавь! — не каждый поплывет. А не так, как этому окаянному пустомелу-соудату, у которого ни чего не сможет измениться от того, придет ли он к селу через час или же через сутки. И этой его Савантине тоже ничего не сделается. Три толпа людей, три плена, злато, невмолку жалеть должно было. Такое ведь тело бывает. Не часто, конечно, но бывает. А что ей самой с любовью не бывает? Бывает еще как хватает! Но и настоящие души мужики есть, с настоящих любовию. Только не всегда ее разглядывать сразу — почувствовать, разгадать. Оно вот не разгадаешь, не почувствуешь. Зато, ровно шпоры, когда одну из них заставят вылезти на свет божий.

А. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА.

К Самаре первой трети девяностых годов прошлого века Ленин, как мы уже знаем, относит начало своей революционной деятельности.

Узнав, что Адоратский ходил по Швейцарии пешком, Владимир Ильич к этому отнесся очень сочувственно. По его словам, сообщает мемуарист, такие пешные прогулки по новым местам доставляли ему громадное удовольствие. Ленин рассказал Адоратскому, как он,

Участник «кругосветки», состоявшейся 8—10 мая 1890 года, Алексей Веляков уточняет ее маршрут и состав путешественников:

В поезде участвовали, кроме Леянова, Алексеев, Сидяренко, Иван Кузнецов, Вячеслав Савицкий (одновременно с Владимиром Ильичем исполнял обязанности наставника), Алексей Беликов и Александр Нечасов. Тех, кто заинтересуется подробностями поездки, мы адресуем к книге Алексея Беликова «Юность вояждя», рукописи которой хранятся в архиве поэта. Поездка состоялась в 1926 году, а впервые опубликована лишь тридцать два года спустя. Ограничимся лишь немногими отрывками, в той или иной мере воспроизводящими высказывания и высказанные

1 Кроме самарской «крутосветки», Ленин вспоминал и о самарских запяшках. Так, 14 ноября 1920 года Ольга Миненко-Орловская напоминает ему после митинга в селе Кашине о своем отце — по революционной кличке «Золотой» — и о том, что он «помнит... в Самаре... на Волге...» — сказала она тогда Владимиру Ильичу.

— Как же, как же! — ответил ей Ленин. — Вместе Волгу переплывали. Ну как он? Принял революцию? Где работает?

— Ведь вот этот старик Нечаев не ученый-экономист, а как он хорошо умеет проникать в самую суть вещей. Вот у кого не мешало бы Николаю-онан, Михайловским научиться понимать и неиз-

В ответ на возражения Савицкого, заявившего, что идеологию народничества Михайловскому нечему учиться у кулаков, Ленин говорит:

стороннику субъективного метода в социологии, строящему свои теории не на фактах, а на выдумке, на плодах собственного воображения о самобытных путях экономического развития России, о спасительной роли общины и артелей, о подготовке

Так весной 1920 года Ленин определяет самое начало своей революционной деятельности, ее первоначальное поприще. 1893 — самарский! — год называет он годом своего вступления в партию.

— В свое время кружки были необходимы и сыграли положительную роль. В самодержавной стране вообще, — в тех условиях, которые созданы были для материальной русификации, первоначального

«На личной дружбе» с Исааком Лалаицем, Марией Лебедевой, Алексеем Скляренико и другими

После ночевки на берегу Волги, у села Переволки, Владимир Ильич заявил, что он — никогда так хорошо не спал, как в эту ночь. Хорошо быть робинзонами!..

— ...хорошо бы в такой деревне прожить две три недельки, чтобы выяснить всю экономическую подноготную...

мест на ночлег в шалаше пришлось прибегнуть к жеревенке: всякий старался уступить более удобное место товарищу. И здесь Владимир Ильич шел впереди всех, и не только перед этим ноч

— Вот опять интереснейший отрывок жизни.

Амос Прокопьевич, Ерфилыч — какие прекрасные люди, ставшие на первый план интересы общества! И сколько таких амосов разбросано по беско-

Важное

В Самаре и Самарской губернии Ленин увидел страшные картины голода 1891—1892 годов, пора

— Известно, что в 1891 [оду] были рассылаемы прокламации «крестьянских доброхотов», прокламации, справедливо указывавшие народу на его настоящего врага; были, вероятно, и другие по-

Ленин, издавала под заглавием «Первое письмо к голодающим крестьянам» и за подписью «Мужичьи доброты» петербургская «Группа народолюбцев». Нанечатана она в той самой подпольной Лаке

жизнище доброты» ознакомили со своей листовкой и брата Александра Ульянова. Зимой 1902 года в статье «Признаки банкротства» Ленин скажет: — Хищническое хозяйство самодержавия понои

голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли кормильца, им же обобранного народа. С 1891 года голодовки

— ...народ болеет и мрет... «хлеб», употребляемый им в пищу, есть нечто невероятное, вовсе не заслуживающее названия хлеб.

бералы показывали со вздохом глубокого сожаления образцы «голодного хлеба», сильно похожие на прессованный и засушенный навоз. Иметь образец «голодного хлеба» стало признаком хорошего тона.

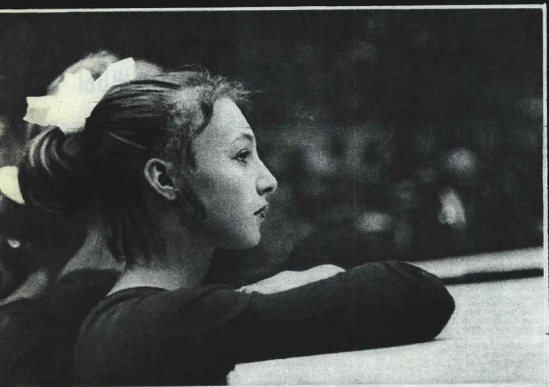
Под этими «обманами» крепостники подразуме-
вали якобы неоснованные претензии изголода-

мошь. Оттого-то Ленин и протестовал против сведения «всего дела помощи голодающим до какого-то акробатства копеечной благотворительностью, обличая присущую подобным «акробатам» «мизерность их помощи и стремление развалить ее на

Двадцатидвухлетний Ленин своими глазами ви

1946 - 1966

СМЕНА 15

Шесть лет назад (мне тогда было 11) мама впервые привела меня в гимнастический зал. Я уже считала себя опытной спортсменкой, целый год занималась легкой атлетикой и плаванием. Но гимнастика! Я тогда облезла все снаряды, прыгала, кувыркалась и на другом день, ничего не сказав дома, сама поехала туда. И так

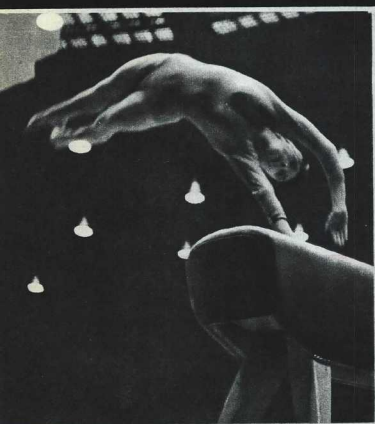
было обидно — даже расплакалась: оказывается, занятия шли через день. С тех пор зал «Труда» на ленинградской улице «Правды» стал для меня родным домом. Я не променяю его ни на какой другой, и своего тренера Владимира Михайловича Ромсона тоже. На чемпионате мира в Дортмунде нам по жеребьевке выпало начи-

нать в обязательной программе с бревна. «Шаткий снаряд» и к тому же очень страшно: ведь я первый раз на таких больших соревнованиях! Но тут пришел Владимир Михайлович. Он просто сидел в зале как зритель, но я сразу успокоилась. И дальше все пошло хорошо.

Стихия движения

Комментирует чемпионка мира
Наташа КУЧИНСКАЯ

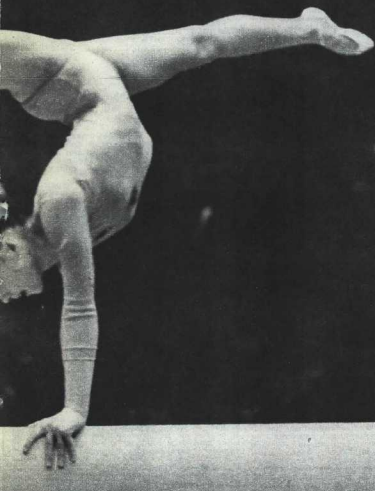
Фото В. САФРОНОВА

Этот прыжок называется — переворот боком с поворотом на 270 градусов. Каждый раз я представляю себе, что «икона» раскатил, и, чтобы не обжечься, прижаться к нему нужно чуть-чуть [это чтобы быстрее переверти и следующей части, там будет второй поворот]. Владимир Михайлович мне всегда говорит, что главное здесь — не сбрасывать руки. А я забыла и сбросила — иидите, правая чуть подвита. И ноги потому слегка развела. Я знаю, что прыжок у меня — самое слабое место, и поэтому работаю над ним больше всего. Сейчас готовлю другой прыжок, а какой — не скажу: это пока тайна.

Вольные упражнения — примерно середина комбинации. Тут у меня три прыжка подряд, во время которых представляю себе, что бросаю цветы зрителям. И ведь похоже, не правда ли! Во время прыжков я набираю темп, за ними последует моя любимая акробатика. Она у меня получается лучше всего. Очень люблю вольные упражнения!

А это моя «знаменитая» стойка на бревне. Я потому говорю «знаменитая», что два года назад на перенесте страны в Киеве именно с нее и упала. И не заняла первого места. А тут было такое хорошее настроение! Все получилось. Теперь уже не упасть (сейчас будет соснок), и я подумала о том, что нужно поспеть подольше, а то за неиспользованное время могут и оценку снизить.

На снимке — ирландская часть комбинации, на брусках. Тут вы видите середину поворота, сейчас я ступну руками по верхней жерди и пересячу на нижнюю. Именно этот момент самый трудный. Он на разминке, ну, никак не вышел, и я заперенчала. Сразу же вспомнил, что полгода назад на международных соревнованиях в Бревене в этом месте я сорвалась и получила 4 балла. На этот раз все прошло хорошо, и оценка была высокая. Наверно, финал в Дортмунде был лучшим выступлением на брусках в моей жизни. Никогда не думала выиграть у Чаславской: ведь брус — ее конек. Я так обрадовалась...

С. ТОКАРЕВ

ФАКТИ

Вступление, содержание, кроме условий задачи, кое-какие парадоксы

Те из вас, кто бывал на боксерских турнирах, помнит формулу, по которой в перерывах между раундами информатор представляет зрителям участников встречи.

— В раскром утку — мастер спорта Н. Прохоров на ринге сто боев, в восемнадцати добился победы. Цифры эти взяты произвольно. Но приходилось ли вам хоть однажды, хоть на самых низших по рангу состязаниях встречать бойца с отрицательным балансом? Уверен, что нет. А задумывались ли вы над тем, куда деваются обладатели отрицательного счета, то есть те, победители которых (примем десятками), прорвались к верхним наш мастер Н.?

Спортивный «путь» наверх усели несбыточными суевериями, нераскрытыми талантами, теми, кто уступил дорогу более сильным и уверенным, кто победил нишеними победителями. И о них с несбыточными, неполученными, не оправдавшим надежд, пойдут наш разговор.

Но определим для начала, кого мы имеем в виду. Конечно, не выполняющий нормы третьего разряда? Первопроходчик, так и не ставший мастером? Мастер, которому не довелось быть чемпионом страны? Или, наконец, чемпион страны, не преодолевший рубежа чемпиона мира или Олимпийских игр? Видите, как все

условно. И как знать, вот напишу я о некоем кесе, что не позволило ему в жизни, не стал он тем-то и тем-то, а завтра он позвонит мне и скажет: «Как же так, дружок-товарищ? Ведь моей заветной мечтой, недостижимой вершиной был республиканский рекорд, и с таким трудом дошел до него и теперь счастлив, а вы меня неудачником объявляете! Прощай, Прав». В этой сложной ситуации мы с вами можем воспользоваться единственным выходом. Мы будем исходить из объективных возможностей данного спортсмена, субъективно установленных нами при помощи собственных наблюдений и консультации со ссадиции людьми. Таковы условия задачи.

А теперь зададимся еще одним вопросом. Сумма наших качеств нужна спортсмену, чтобы реализовать все заложенное в нем от природы? Конечно, это трудное понятие плоскости, плоскость, то есть отсутствие зазвиста, плоскость, и так далее. И тут начинаются аналогии.

Преславный лыжник Павел Колчин был в свое время нулевым из хороших мировых чемпионов Ерибрга и Хачуниана, но вот чемпионом не стал. Между тем Колчин — фантастический треножник и реинка, неутомимый искатель новых методических путей. Оказывается, беда в том (и это подтверждают лыжные авторитеты), что Колчин был прекрасным ассистентским жуком в спорте. Нервная система его, усложненная постоянно растущими загрузками, сдавала как раз в самые решающие минуты, и он проигрывал, будучи потенциально победителем.

Пример второй. Много лет и другим с величайшими непостоянностями-соединением Анатолием Череповичем. В сборной страны Толя считался

Сколько ни смотришься в зеркало, пытаешься определить свое спортивное призвание, ни до чего не досмотришься. Нужна система отбора, научно обоснованная система тестов, которая

Кто же виноват? Иной тренер скажет: «Мучаешься, мучаешься, недо-едаешь, недосыпаешь, ждешь, что го-дам к 17—18 вырастет у тебя Чем-пион и рекордсмен, а глядь — наце-пил парень мастерский значок, посту-

Можно ли было предотвратить эту, индимо, маленькую в истории спорта, но большую, когда идет речь о людских судьбах, катастрофу? Думаю, да. Ведь будущие качественные изменения назревают количественно на на-

РАЗЛИЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
РОЕТСЯ ВСЕ-ТАКИ В НАС САМИХ.
НАШИХ СОБСТВЕННЫХ ХАРАКТЕ-
РАХ — ТАКИХ, КАКИМИ МЫ ИХ СО-
ДАЛИ И СОЗДАЕМ. И ТУТ УЖ НИЧЕ-
О НЕ ПОДЕЛАЕШЬ.

Все, кроме нее. А она, мучаясь, продолжала размышлять. Она мерила круг за кругом, уносилась, то замедляя бег, то ускоряя, и упорно. И я подумал, что этой застенчивой девчонки в этот год она занимается, а ты (голоса ее не знает) может и не быть.

Был как-то у нас спор философический. Он кипел в то время, когда уже в журналистике шла «победа над собой». «Победа над собой? — вопил

20

КАЗКИ И ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВ

рассекающийся стора дистра (использует метод координат) и совершенно точно переносит пометку.

Из этого и других аналогичных опытов Пиаже сделал два вывода. Во-первых, о необходимости привести методику обучения геометрии в соответствие с формированием логического мира ребенка. Во-вторых, о невозможности учить ребенка тем или иным понятиям до тех пор, пока в его мозгу не сформировались системы, способные воспринять эти понятия (ибо в противном случае, по мнению Пиаже, изучение, познание будут подменены бездумным, неосознанным зазубриванием).

Если первый тезис швейцарского ученого не вызывает сомнений, то второй требует уточнения. Это показала дискуссия на XVIII психологическом конгрессе в Москве.

Вопросам обучения и уместного развития был посвящен один из самых дискуссионных симпозиумов. Швейцарская школа отстаивала разработанную Пиаже теорию о подчиненности воспитания внутреннему развитию ребенка. Предлагалось ждать, пока у ребенка в голове созреет все более сложные логические представления.

Советские ученые соглашались с тем, что психика ребенка должна учитываться при обучении. Но являл ли, что развитие личности мы не можем стимулировать? Нет, не значит. Мы можем влиять не только на процесс обучения, но и на процесс подготовки учащегося к восприятию тех или иных знаний.

Доходы советских ученых подтверждаются опытами, проводимыми под руководством профессора П. Гальперина с детьми 5—7 лет. Экспериментаторы прежде всего знакомят ребенка с понятием «измерение». Малыши измеряют длину стола, количество песка, вес стакана и так далее. Детям это полуровневое времяпрепровождение приходится по вкусу. Развивается чуть ли не «ощущение» — дошкольник готов вымерять все, начиная от собственного роста и кончая деревьями в саду. Пока дети играют, взрослые наблюдают за тем, как у них формируются понятия разных свойств предмета: объем — песок можно мерить стаканчиками, но нельзя веревочкой; вес — оказывается, маленький гвоздик весит столько же, сколько большой комоч ваты. Затем делается следующий шаг. На доске наклеиваются фигурки лисич и фигурки гусей. Их много, настолько много, что ребенок сосчитать не может. Предлагается узнать, на сколько лисич больше, чем гусей.

Детям показывают метод меток: рядом с фигурками гусей располагаются квадраты, а лисич отменяются треугольниками (так дети усваивают несколько отвлеченное понятие множества). Затем квадраты и треугольники снимаются с доски и выкладываются на столе — каждый квадратик против треугольника (так дети учатся сравнивать множества методом взаимно одно-

значного соотношения элементов). Лисичные метки, которым не нашлось пары, указывают, на сколько одно множество больше другого.

Малыши быстро и успешно осваивают все перечисленные манипуляции. У них вырабатывается неинтересное умение выделять в объекте его разные свойства и каждое измерять в отдельности (необходимое и достаточное условие для формирования математического «принципа сохранения», инвариантности). Ребенок, прошедший такой курс обучения, уже точно знает: единича — это то, что отмерено и равно своей мере; если труппа лисич больше труппы гусей на одну, то количество лисич можно обозначить буквой *a*, а гусей — *a-1* (место несчитаемого большого числа полагается алгебраический символ, который позволяет установить неидеальное отношение предметов); если квадрат сложить на столе в виде одного большого квадрата, а потом переменить и выложить длинным прямоугольником, то площади обеих фигур будут равны, ибо мы ничего не прибавили и не убавили. Естественно, что дети, не прошедшие «курса математики» в детском саду, таких выводов сделать не могут.

«Я увидел в темноте 4 кошачьих ног». Сколько у этой кошки ног? Такие задачи решают первоклассники 16-й московской школы (заметьте, здесь опробованная будничная программа для всех школ страны). Детишки постарше — 8—9 лет — успешно оперируют алгебраическими

терминами и формулами, отвлеченно выполняют геометрические построения и расчеты, владеют элементами теории множеств. На доске рядом с математическими знаками — фигурки из сказок: Айболит и Бармалей, волк, козлята. Здесь они элементы множеств.

Основой своей работы педагоги считают принцип «не зазубривать, а открывать». Характерный пример: колонку цифр, написанную на доске, предлагается превратить в задачу, самим ребятам дается право придумать несколько вариантов условия. Над неудачной фантазией не смеются.

В конце урока в третьем классе «А» классный руководитель задала вопрос: «Может ли хорда быть длиннее диаметра круга?» В классе пауза, потом — лес рук: «Нет, не может!»

«А кто думает иначе?» Одна рука. К доске выходит крошечный мальчуган и рисует кривую линию, соединяющую две точки окружности. Кривая эта может быть очень длинной, объясняет он.

Однако хорда не может быть отрезком кривой или ломаной линии. Она прямая.

Ошибка. И все же от нее не останется горького осадка. Человек искал. Искал вопреки привычным представлениям. На этот раз ошибка. Наверное, ошибется он еще не раз, зато потом сделает открытие. Может быть, большое, может быть, крошечное. Но это будет открытие, результат поиска. А не зубрежка.

Сергей ЗАПЛАВНЫЙ

Посты

Мы все обдумаем потом.
Открою пальцы, точно книжку...
А нынче я на боевом
Посту — на карзунной вышке.

Стою, как требует Устав,
В течение суток с переноской.
Два-три заржавленных куста
Свернулись под бетонной стеной.

Стекает струйками новь...
Все так обидно и просто:
Зимой — мороз,
И тот же пост в летний — пыль.

И его по карте не сыскать.
Есть для этого причина...
А если б лет я отступил
Здесь и за будущего сына.

Люблю простые русские слова
За строгость и глубинное знание.
Они влипают, словно снежинка,
Свое нам сообща напряженье.
Они, завороченных, нас ведут,
Преображая, делают красивей.
Легит у поля позabyтый пруд,
И выпал пух, как выпадает иней.
Простор пускает ветер по низам.
Мы падаем в колючую солону.
Мы ловим краски,
Звук, голоса

Не как в дому,
И все-таки как дома.
О эта радость и желанный ллени!
О эта первоизданность и приволье!
Мы воду пьем, холодную до боли.
Омыв лицо, легко встает с колен.
И входит в нас слова, как
откровенье.
И нет волны,
но ластовице волненье.

Сергею Заплавному двадцать четыре года. Его профессия — журналистика. За последние службы в Советской Армии и историко-филологический факультет Томского университета. Стихи Сергея Заплавного печатались в журналах «Сибирские огни», в нескольких коллективных сборниках и пизетах. В Новосибирске недавно вышла его маленькая книжечка — «Ступени».

Сергей Заплавный — участник кемеровского совещания молодых писателей Западной Сибири и Урала.

Да, печь — подобие костра.
И в то же время — символ быта.
Она послушна, деловита.
Но по-своему добра.
Но в четырех ее углах
Дробит огонь
свой крик истощивый...
...А я люблю костер дорожный
С консервной банкою в углах.

Тоска по страстишкам остра,
Как бы недавняя обиды...
...Я разминаю деловито
Печь — наподобие костра.

«ЯК-12»

«ЯК-12» — работяга самолет,
Неказистый, а зеленый, точно лес.
Над тайгой осуществляет свой полет
Без комфорта и красавиц стюардесс.

Он мотается на северных ветрах,
Привзлетавшие порой на «Яктяки».
И качаются на дрыгущую ветвях,
Любопытства не так, бурнудину.

Обмороженный, простуженный совсем,
Обогреться он не может у огня.
Молчаливо соглашается со всем.
Но на отдых не берет себе и дня.

Отправляется в дорогу вперу
К северным на промерзнувшую Кеть.
Самолету это очень по нутру.
Самолету с грузом хочется лететь.

И летит он, и дает километраж,
И горюет на работе день за днем.
«ЯК-12», ты не выдавай, ты не
сдашь,

Мы с тобой еще, дружище, поживем.

СМЕНА № 12. «ПАМЯТИ ГЕРОЕВ...»

Наша семья с большим удовольствием читает в «Смене» материалы о героях Великой Отечественной войны, о трудных болях и подвигах. Читатель — я знаю жизнь Родины и наших солдат, которые воевали. Четверо братьев и отец, были на фронте. Крестом всем досталась война, поэтому с таким чувством читаешь о тех годах.

С. АВАКУМОВ, г. Архангельск.

СМЕНА № 13. «СОВРЕМЕННОСТЬ. 24 ЧАСА»

С некоторых пор я стала постоянной читательницей вашего журнала. В 13-м номере мне очень понравились очерки А. Свободина о московском театре «Современник». Очерк просто замечательный! Теперь хочется еще прочитать в «Смене» статьи о театре имени Ленинского комсомола.

Л. БУДНЕНКО, г. Волгоград.

РЕД. О театре Ленинского комсомола за последние два года журнал «Смена» опубликовал три материала, посвященные творчеству главного режиссера театра А. Зореса (№ 22, 1964 г.), об одном из спятевших театров (№ 14, 1965 г.), творческий посты молодой актрисы театра О. Яковлева (№ 5, 1966 г.). В редакции запланирован новый материал об этом театре.

СМЕНА № 14. СТИХИ НИНЫ ГРЕХОВОЙ

Стихи Нины Греховой — тонкие, поэтичные, всерьезные, глубокие и искренние, дышащие чувством, которые вызывают у нас отклики. Это безусловный талант, которому еще расти.

Е. ИВАНОВА, г. Владимир.

Прочитал три песни Н. Греховой и был поражен: они мне не понравились. Автор ищет гражданскую тему, и хотя Я. Смелков ставит его в заслугу автору, я вынужден в этом серьезный изъян. Не понимаю, кому может понравиться такая пустая и призрачная поэзия! Стихи эти вывалили у меня чувство неопределенности и пустоты, потому что жизнь — это не «белое лето», не «золотая рыбка», как пишется в стихах этих, а то, что мы реально живим и ощущаем.

В. ХАРСЕВ, г. Шахты.

СМЕНА № 14. «ЭСТАФЕТА СЛАВЫ И ПОДИГА»

Статья А. Камышова по-настоящему взволновала меня. Да, надо воспитывать молодежь на героине прошлого, но, чтобы молодежь знала трудные и героические времена и людей, которые создали им сегодняшнюю счастлиную жизнь. Наша история — это наша память. И нужно помнить, что стоишь ты истории наравне.

Молодежь нашей истории должна читать материалы о героине революции, гражданской войны и войны Великой Отечественной.

С. ПАРХОМОВ, Челябинский обл.

СМЕНА № 14. «НЕУМОЛЧНАЯ ПЕСНЯ РОССИИ»

Мы вдруг «ударились» в разговоры о Князях, о Рубине, о древних воях. Вовсе, чтобы искренний интерес и этой глупости, тем не был приважен к моту, в путевые разглагольствования типа «русифицизм», чтобы любовь и Родина не обернулась декоративной любовью к «счастной Руси».

Е. ВАСИЛЬЕВА, г. Москва.

СМЕНА № 16. «ДВОИ ДРОГОИ, ПУСТЫНИ»

Фотоискусник Карамушев, сделавшие А. Печурин, настало хоррор, что захотелось поблагодарить фотоискусника. На снимках ощущается смещение представлений о пространстве и времени. Но и фотографии пустыни, куда я были верю, ведь без понятия! Хороши снимки аркария и кобы. Жаль, что снимки не цветные, их можно было бы поместить куда-нибудь «на постоянную», в учебники для детей, например.

Можно ли просить нас чаще давать фото, связанные с природой?

Ваша постоянная подписчица Т. КУЗЬМИНЦЕВА, г. Москва.

СМЕНА № 16-17. «ПРИСТУПАЮ К ЗАДЕРЖАНИЮ»

В первый год выпускаю журнал «Смена», хотя и раньше изредка читал его. «Смена» в этом году меня порадовала: мне очень нравятся материалы, помещаемые в журнале. (Особенно я люблю публицистические заметки, а в «Смене» 1966 год особенно урожайный на этот жанр: «Грест с секретом», «В тишине перед грозой» и «Чужие лица задержания»). Хочется сказать редакции: «Так держать!»

А. ШЕГОЛЕВ, Ростовская область.

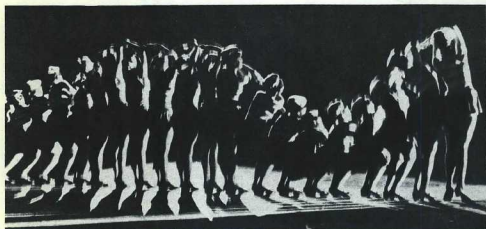
Почему ни в библиотеке, ни в книжном магазине нельзя приобрести годовую подписку «Смене» в переплете — ведь хочется иногда почитать, вспомнить «биографический» журнал. У нас почему-то не поступает эта светлая драгоценность периодических изданий. Как правило, их списывают и сдают в макулатуру. А жаль.

С. ФАРАФОНОВ, г. Рига.

СМЕНА № 18. «ЧИТАТЕЛЬ — МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ»

Прочитал в последнем номере подборку: «Читатель — мнения и сомнения». Слышались интересные, что редакция боится читательского мнения, как бы не высказался читатель. Но стравливание лишних слухов — это не дело. Читательский письма, и дает их не целиком, а в отрывках. Комментарины и мнение читателей по материалам журнала необходимы.

А. АБРОСИМОВ, Владимирская область.

Пятьдесят московских принцесс

Борис БРЯНСКИЙ Фото М. МУРАЗОВА

Пятьдесят московских принцесс — это не выдумка. И не преувеличение. Пятьдесят принцесс, они существуют на самом деле. Они молоды, красивы, грациозны и вместе с тем оборотисто-просто.

Днем они врозь, а их не так-то просто узнать. Они просто хорошенькие девушки. А мало ли хороших девушек в многолюдном движении столичного дня!..

Но каждый вечер они собираются вместе и волшебным образом преображаются. Они проводят перед зеркалом ровно столько времени, сколько требуется для того, чтобы стать принцессами. Но если говорить серьезно, то принцессами их делают не зеркала и не туалеты, а их радостное искусство, которому каждый вечер аплодируют зрители Московского мюзик-холла. Эти юные танцовщицы образуют ансамбль, имя которому «Радуга».

Такое название ко многому обязывает. Танцевальная «Радуга», которую видели уже в Барне и Нью-Йорке, взошла в Московском мюзик-холле шесть лет назад. Она не сразу засияла. Но, как мозаику, кропотливо собирав балетмейстер Николай Сергеевич Холфин. Тона ее сперва тщательно фильтровались. Взыскательно подбирались кандидатуры. Рождались замыслы современных танцев. От программы к программе все ярче становилась «Радуга».

26 мая 1964 года она вспыхнула на гигантской

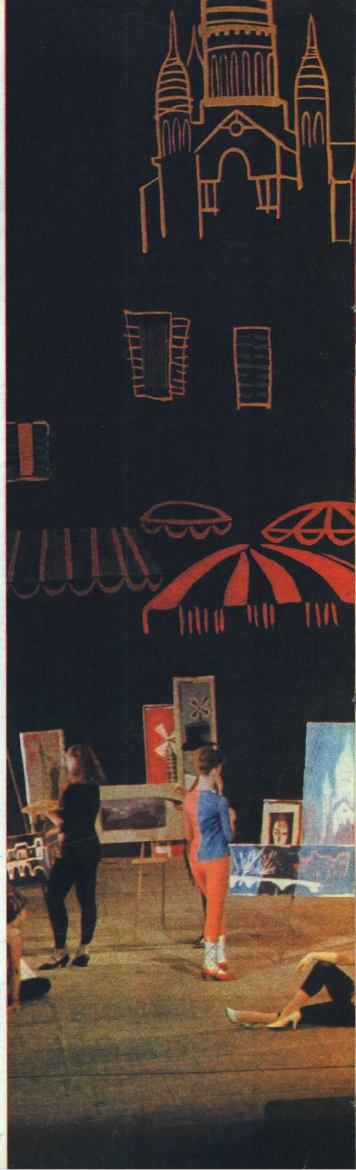

«Есть мюзиктеpert Ест!»

сцене парижского зала «Олимпия». Успех превзошел все ожидания. А ведь накануне премьеры одна из советских буржуазных газет весьма широко оповестила читателей: «Едет русский мужик-холл!» После оваций в зале «Олимпия» газетные зубоскалы приутились язык. Сенсацией для заграничного зрителя явилось то, что наши мюзик-холлы несут девушки одеты с ног до головы. Париж был покорен красотой и грацией советских артисток. Такого мюзик-холла он еще не видел. А принцессами наших девушек окрестили репортеры, преследовавшие их с утра до ночи, но так и не получившие желанного материала для своих бульварных изданий.

Нынешняя мюзик-холльная программа «Сто и один день в Париже» — итог тридцати с французской публикой. И пяти предыдущих программ. Сейчас в репертуаре «Радуги» свыше тридцати номеров. Это втрое больше, чем надо для одного вечера.

Как это делается? Не совсем так, как это происходит в небе. Там радуга — импровизация дождя и света. Здесь ее зажигает непрерывная творческая работа. Ежедневно с 10 до 12 — уроки пластики и танца. Никаких поблажек и преимуществ для солисток. Работают все. Две группы: старшая и младшая. Не по возрасту, а по мастерству. Состав подвижок. Каждая из девушек старшей группы знает, что, если она

«Фиалки Монмартра».

Воздушный номер «В
кольце света».

Старый аттракцион
в XX веке.

В военном оркестре
— только де-
вушки!

начнет отставать, ей придется поменяться местами с какой-нибудь. Более трудной задачей девушки из младшей группы. Короче, это принцессы-работяги. С 12 до 2 — репетиции, а вечером — спектакль. Вечером — холодный блеск и отточенность «Мушкетеров», трогательная непосредственность, юмор и обаяние «Ветских ирландцев», покоряющее изящество «Казино де Пари» и «Монмартра», веселая энергия, свежесть и легкость «Морской прогулки».

Примечательно, что в этом высокопрофессиональном ансамбле нет солисток-звезд. Все они звезды. Каждая по-своему. Где их нашел мюзик-холл?

Валю Малиянову — в народном театре московского завода «Серп и молот». Ольгу Хахулину — в Хореографическом училище Большого театра. Ев «сужу» 19. А Ира Булакова пришла на конкурс из Пушкинского районного Дома культуры. В свои 18 лет она успела уже два года проработать

на одном из заводов маркированной, а затем собранной и притом успешно закончить десятилетку. Вере Савашниковой тоже 16, она из балетной студии ЦАХЖ.

Мозик-холл — это прежде всего музыка. У дирижерского пюпитра — молодой композитор Владимир Рубашевский. Он автор танцев, вместе с балетмейстером Холминым. Везде музыка не только душа, но и плоть танца.

В новой программе мозик-холла обращает на себя внимание новая работа Бориса Воронина «Пломы» — бородаты малолетки-добряки. Борис и Владимир Воронины — блестящий акробатический дуэт, многократные чемпионы страны, уже показали миллионам наших и зарубежных зрителей номер экстра-длинных бороды-бисуса, они довели свое искусство до той степени совершенства, которая представляется пределом человеческих возможностей.

Мозик-холл — это форма, вмещающая многогранное содержание. Здесь и прыжки на шестах (Георгий Ташкголю с партнершей) и «миланозы» (жонглеры Борис и Татьяна Сагалева). В каждом номере той большой программы незримо присутствуют главные режиссеры мозик-холла: А. П. Кочинский и художник Э. Стивенберг. Это не эффект присутствия, а продолжающаяся работа.

Должно, что текстуальная часть программы (Я. Костюковский и М. Слободской) несколько отстает от ее общего содержания. В спектакле звучат пренесходные французские песни в исполнении молодой парижанки Фриды Боксара. А нашей песни нет. И ни одной яркой песни. Как будто их у нас не существует.

Зато в программе есть номер, который звучит как песня. Это номер воздушный. Столько в нем свежести, чистоты и той анкетности, которая достигается большим трудом. Любе Гинсаренковой удалось то, что до сих пор еще никому не удавалось. Это блестящий вариант «случайка», вобравший в себя акробатику, гимнастику, балет. Номер «В колыхании души» длится все время, как песня. А потом воздушная «кружка» в катулочных вращениях. Номер малых немых шесть минут. Но повторить в это невозможно: так быстро он пролетает.

Поздний вечер снова принимает зрителей, показывая концертный зал. Потом у служебного входа вечер встречает артистов, и всех их поглотила огромная, прекрасная в этот час торода. И приходится тоже. Впрочем, они уже не приехали, а просто хорошие люди, друзья, как не так уж мало на сцене московских умов.

ВРЕМЯ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

В начале февраля 1964 года, за несколько дней до открытия процесса над лицами, ответственными за «программную эвтаназию», по Западной Германии прокатилась волна загадочных самоубийств. По «случайному» совпадению самоубийцами оказались главные обвиняемые предстоящего процесса.

Третьего февраля в тюрьме повесился ответственный чиновник военной службы ФГГ Заланд Петерс. В прошлом видный нацист. Через две недели в тюремной камере повесился с мизантропией «профессор» Вернер Хейде, он же д-р Заваде. Во времена рейха Хейде-Заваде имел чин штабс-лейтенанта, немцы чин штабс-лейтенанта. СС возглавлял управление «14-й службы» безопытного, занимавшегося массовым уничтожением «неполюбованных» людей. А за несколько часов до смерти Хейде в Кельне выстрелил или был выстрелен из орудия восточного фронта его близкий помощник в те кровавые годы Фридрих Тухтерман. 26 февраля в водах Балтийского моря выскочил труп министра культа земли Шлезвиг-Гольштейн Зиге Остерло, который долгие годы порывал Хейде-Заваде. Процесс из-за исчезновения основных обвиняемых пришлось отложить на неопределенный срок.

Официальная версия Бонна во всех случаях гласила: «Самоубийство». Но тут, как обстоит дело в действительности, рассказывает друг, не официальный вердикт. Они же пронаблюдают мстят от событий более чем двадцатилетней и даже сорокалетней давности и вполне глумливыми «самоубийства», жертвой которых стали организаторы «программы эвтаназии».

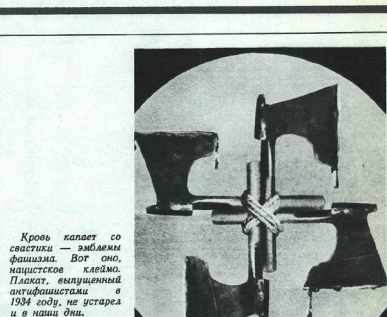
История нацистской партии — это история убийств. Задолго до прихода Гитлера к власти профессорская пресса изобиловала описаниями «убийств людей, несогласных с нацистско-социалистическим мировоззрением». Только за период с 1914 по 1922 год германская полиция зарегистрировала 343 политических убийства. И на всех этих убийствах стояло одно и то же зловещее клеймо — «фема».

Слово «фема» на протяжении многих веков вызывало в Германии ужас. Созданная первоначально как тайное террористическое общество средневекового ордена теотонских рыцарей, «фема» использовалась в дальнейшем почти всеми властителями Германии для устранения инакомыслия, сохранения привилегий правящего класса или просто для устранения ненавистных сановитов. Ей жертвы похищались, представляли перед тайным судилищем «фемгерихта», исключались из теотонской общины, после чего их казнили.

23 июня 1922 года в Берлине выдана на редкость солнечный день. На углу Виллоттштрассе машина министра иностранных дел Ратенау неслышно замедлила ход. Внезапно откуда-то со стороны вывернулся черненький спортивный автомобиль. Пассажиры, находившиеся в нем, встали, и один из них выстрелил в Ратенау, а второй бросил ручную гранату. На сей раз скандал был слишком велик. Власть вынуждена была немедленно вмешаться. Обвинения поинтересовались. При расследовании было установлено, что черненький автомобиль предоставляли в распоряжение преступников два крупных сановника промышленности. Инициатор убийства был активный деятель «фемы» лейтенант Гюнтер, главный агент генерального штаба и военный личный секретарь Люденфурга. Последнего был связан с лидером нацистско-социалистической партии. И заговорщиками причастными многие высокопоставленные офицеры. По-настоящему удалось достигнуть убитого, однако во время перестрелки оба преступника были убиты. Два других соучастника преступления были арестованы и приговорены к пожизненному заключению, но впоследствии были помилованы. Что они сделали, когда очутились на свободе? Тотчас же вступили в нацистскую партию — нацистские приверженцы тайных элементов, подонки общества, убийцы.

После убийства Ратенау в течение двух дней, погибших в перестрелке.

«Умерщвление из милосердия» — это не только убийство, это убийство на уничтожение сотни тысяч людей, объявленных непотребными людьми и использованными.

Кровь каплет со свастикой — эмблемой фашизма. Вот оно, нацистское клеймо. Плакат, выпущенный антифашистами в 1934 году, не устарел и в наши дни.

Тайный эвтаназический орденом отлучил от многих странх мира. Смерть, преждем идет по пятна за фемой.

КЛЕЙМО

На обложке западногерманского журнала «Шпигель» нацист Хейде-Заваде. Он перерезает его. Ручка «фемы» нашла своего разоблаченного сообщника и в тюрьме. Хейде-Заваде стал опасен для эвтаназического подполья.

И вместо знака суда «Фем» в а в г н ФРГ 167 отоз его на клеймоче...

не с полицией и закоренных в замке Заланд, были выкопаны и вновь погребены с большими почестями по приказу Гитлера он был воздвигнут памятник как «национальным героям Германии».

Это было своеобразным символом того, что нацистская партия приняла эвтаназическую. Сделать это, шпротинг, было бы невозможно.

видные деятели нацизма, такие,

нан Геринг, Гиммлер, Гейдрих, Зеис-Иннарт, Кальтенбрунер, Розенберг, Рев, сами вышли из «фемы».

«Ночь длинных ножей» в 1934 году возмущенный человек, который по жестокости уступал разве только Гиммлеру. Майор Вальтер Бух, верховный судья партии, расследовал верхнюю трибуналу, стал личным писем Гитлера.

Именно Бух застрелил руководителя

— А Я МАСТЕР СПОРТА ПО БЕГУ!
— А Я ПО МЕТАНИЮ!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— С РОДСТВЕННИКАМИ ТАК НЕ ПОСТУПАЮТ.
Рисунок О. КОРНЕВА и Н. СТАНИЛОВСКОГО

— ВЕЖИ СЛАВЯТЬ СКОРЕЙ! У ПРОФЕССОРА ЧТО-ТО ЗАКЛИНЬЛОСЬ —
ВСЕМ ПЯТЕРКИ СТАВИТ.

Рисунок В. АРСЕНЬЕВА и В. ЛЮЗОВСКОГО

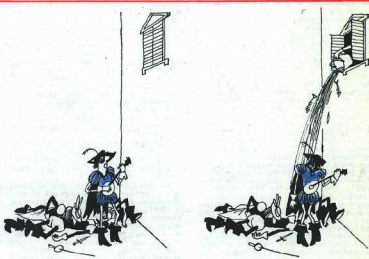
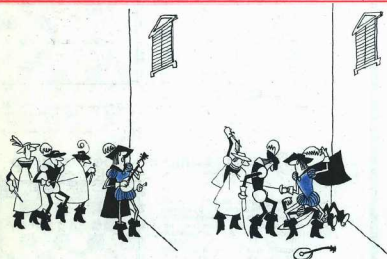

Рисунок К. МОШКИНА

На первой странице обложки: солистки ансамбля «Радуга» исполняют сценку «Вятские игрушки». Фото М. МУРАЗОВА.
Фотоочерки о Московском музее-холле см. на стр. 28—30.

<p>Главный редактор В. И. САМОХИН. Редакция: К. К. Андреев, В. Н. Ганичев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замоскин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Равчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].</p> <p>НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.</p> <p>ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ: Для справок: Д 3-30-67; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 1-63-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотоотдела и репортажа — Д 3-30-07; информа- ции — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-36.</p>	<p>Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор Н. Вудкина.</p> <p>А 10416. Подписано к печати 31/X 1968 г. Формат бум. 70 × 106³/₄. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1 000 000. Изд. № 2127. Заказ № 2813.</p> <p>Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.</p>
---	--

КАК БЫ СТАТЬ МНЕ ЗВЕЗДОЮ ЗЕЛЕННОЙ

Умеренно. Тепло.

Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО

Щед-ро луг нам с то-бой
Ромашки рассыпал,
А в окрестных садах —
Соловьев перецел.
Как бы стать мне хотелось
Вечерней розинкой,
Чтоб слегка твоих
Коснуться щек!

Скрылся месяц вдали
За тучкой заветной.
Месяц выплывает вновь
Легкой лодкой сейчас.
Как бы стать мне хотелось
Звездой зеленой,
Чтоб в твои глаза
Взглянуть хоть раз!

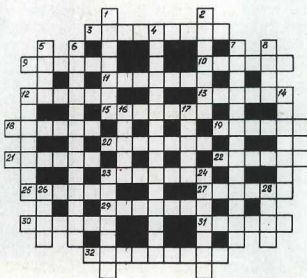
Видишь: звезды дрожат
На тоненьких ветках.
По тропинкам бродить
Нам не скучно ничуть.
Как бы стать мне хотелось
Отчаянным ветром,
Чтобы свой секрет
Тебе шепнуть!

К Р О С С В О Р Д

Составил А. МИХАЙЛОВ,
г. Куйбышев.

По горизонтали:

3. Русский композитор.
9. Промысловая рыба.
10. Советский скрипач, лауреат I Международного конкурса имени П. И. Чайковского.
11. Курорт в Тульской области.
12. Быстрый темп в музыке.
13. Писатель, лауреат Ленинской премии.
15. Приток Днепра.
18. Заменялся из тямой тям.
19. Птица.
20. Большой крутой хлеб.
21. Литовский композитор и дирижер, народный артист СССР.
22. Рассказ А. П. Чехова.
23. Областной центр Белоруссии.
25. Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка.
27. Железнодорожный мост.

29. Футляр для хранения светочувствительных материалов в фотографии.
30. Спортивное оружие.
31. Изобретатель спиртового термометра.
32. Государство в Европе.

По вертикали:

1. Областной центр УССР.
2. Рабочий порт в Италии.
4. Русская драматическая актриса.
5. Лушмой

6. Высшее музыкальное учебное заведение.
7. Устройство для выключения передач автомобиля.
8. Французский художник XIX века.
12. Песня первых лет Советской власти.
14. Столярный инструмент.
16. Одна из народностей, населяющих Хабаровский край.
17. Столица Нигерии.
23. Эпизод пения.
24. Горная порода.
26. Морской рак.
28. Сушенные абрикосы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

1. Курск.
2. Пляжеризм.
3. Нейтрон.
5. Шпинат.
6. Клиент.
8. Определение.
9. Осциллограф.
12. Сенегал.
14. Скандинав.
16. Аэро.
17. «Образ».
20. Вакрилла.
22. Мачете.
24. Веселин.
25. Журнал.
26. Векслер.

По вертикали:

1. Курск.
2. Пляжеризм.
3. Нейтрон.
5. Шпинат.
6. Клиент.
8. Определение.
9. Осциллограф.
12. Сенегал.
14. Скандинав.
16. Аэро.
17. «Образ».
20. Вакрилла.
22. Мачете.
24. Веселин.
25. Журнал.
26. Векслер.

пешеходы глубин

Раз, два, три—на четвертый выдох». Первую минуту я уверенно отсчитываю время. Помню напутствие инструктора: «Главное, не допуская воздуха ниже груди—раздувай, выброси». «Гуп»—больно «приземлился» не дно всей двухпудовой тяжести санцовых подшв. Задирю голову: ишу небо. Его, конечно, нет. Надо мной качается далекая голубизна, и в ней, как в блюде,—водолазное судно.

Кто из нас на брадил с детства водолазной рубашкой, санцовыми кашолами, шлемом—этим невероятно науколюбимым снаряжением водолаза! Кому из мальчишек не снились романтические подвиги подводных пешеходов, поиска загадочного «Черного принца», подвиги кораблей Черноморской эскадры!

Бреду вперед. Там, в туманной плотности воды, всплывает и гаснет огонек. На обросших водорослями и колониями плоскостях мидий сваях водолазы в прилипших к телу скафандрах.

В годы войны отступающие гитлеровцы взорвали большой еваторийский причал. И теперь под-

водные мастера убирают его остатки. Электрокислородный резак в руках опытного водолаза—отличный инструмент. По расширенной скребком поверхности металла тонкой нитью ложится его огненный лезвие. Вот, словно мячик, раздува воздуха скафандра, водолаз всплывает повыше. Ухватившись за свая и снова стравив воздух, он своим весом налегает на стальной столб. Покачнувшись, свая нехота, словно в замедленных кинокадрах, ложится на дно, и там, где она легла, вскипает мутное облако.

Свая эта двухсотая по счету. А всего предстоит убрать сотен пять исковерканных взрывами тавровых балок.

После подъема на поверхность долго сижу на скамеечке и смотрю за борт. Там, в густой черноморской воде, бурлят и лопаются сери пупырьков. Тихо на море, хорошо! И вдруг слышу мотив—усиленный динамиком, далекий голос водолаза. Повт! Видимо, работа ладится.

И. ГРИЧЕР

Фото автора

Легкие водолазы готовятся к «туалету» подводной части судна. Этой четкой они собирают наросты на корпусе после дальнего плавания.

Два эка двух войн: лещи мин и якорь с фрегата, затонувшего в 1855 году. Ныне тание находят реди.

Цена номера
20 коп.

Индекс 70820.